

О ПОНЯТИИ ФОНЕМА У МАНДЕЛЬШТАМА. ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТАТЬЕ «О ПРИРОДЕ СЛОВА»

Л. Э. Найдич
(Иерусалим)

Данная заметка представляет собой комментарий к одному из пассажей статьи О. Э. Мандельштама «О природе слова». Она может дополнить и расширить толкование этого эссе, а возможно, будет способствовать пониманию и других текстов Мандельштама. Приведем рассматриваемый текст.

Как же быть с прикреплением слова к его значению: неужели это крепостная зависимость? Ведь слово не вещь, его значимость нисколько не перевод его самого. На самом деле никогда не было так, чтобы кто-нибудь крестил вещь, называл ее придуманным именем.

Самое удобное и правильное – рассматривать слово как образ, то есть словесное представление. Этим путем устраняется вопрос о форме и содержании, буде фонетика – форма, все остальное – содержание. Устраняется и вопрос о том, что первичнее – значимость слова или его звучащая природа? Словесное представление – сложный комплекс явлений, связь, «система». Значимость слова можно рассматривать как свечу, горящую изнутри в бумажном фонаре, и обратно, звуковое представление, так называемая фонема, может быть помещена внутри значимости, как та же самая свеча в том же самом фонаре (Мандельштам 1990: 183).

В этом тексте имеется одно слово-сигнал, на который лингвист, особенно представитель Петербургской (Щербовской) школы, сразу реагирует, – а именно слово «фонема». Поскольку статья Мандельштама была написана в 1921–1922 годах, а некоторые ее идеи восходят к годам учебы Мандельштама в университете, нет сомнений, что

здесь речь идет об учении И. А. Бодуэна де Куртенэ – основателя фонологии и одного из первопроходцев структурализма в языкознании. Если само слово «фонема» и существовало до Бодуэна, применяясь весьма ограниченно, то оно означало «звук», «фон», “Sprachlaut”. Даже у Фердинанда де Соссюра это понятие не имеет того значения, в котором оно используется сегодня и которое было придано ему Бодуэном. К теории фонемы (фонологии) были близки некоторые лингвисты, работавшие в рамках младограмматической школы – Йост Винтелер, Эдуард Сиверс, Генри Суит, но только Бодуэн впервые показал различие понятий *фонема* и *звук языка*. Впоследствии его теорию развил его ученик Л. В. Щерба, а представители Пражской школы Н. С. Трубецкой и Р. О. Jakobson разработали фонологию, основанную на теории оппозиций, и сделали ее достоянием европейской, а отчасти и американской лингвистики.

Преподавательская деятельность Бодуэна де Куртенэ в Петербурге – Петрограде охватывает период 1900–1918 гг. Важнейшим ее аспектом был курс общего языкознания (Введение в языковедение) – новаторский во всех отношениях, в том числе и по самой идее обобщенного теоретического подхода к проблемам языка. Этот курс относился к общефакультетским, обязательным для всех отделений историко-филологического факультета. До этого в русских, как и в зарубежных университетах в рамках филологических программ было принято преподавать лишь отдельные, чаще всего древние, языки¹. Ф. де Соссюр в Женеве и Бодуэн де Куртенэ в Казани и Петербурге сделали общее языкознание важнейшей гуманитарной дисциплиной. Известно, какое большое впечатление производили на студентов лекции Бодуэна и его личность. «Не говоря об оригинальности Бодуэна как ученого, к нему особенно привлекала его манера преподавания, состоящая в том, что он зачастую как бы думал вслух перед своими слушателями. А так как он обладал совершенно исключительной способностью к комбинированию фактов и к их интуитивному обобщению, то его лекции и беседы действовали в выс-

¹ На это обратил мое внимание в частной беседе Лев Рафаилович Зиндер, у которого я имела счастье учиться.

шей степени возбуждающим образом на мысль...» (Щерба 1957: 86). Очевидно, идеи Бодуэна произвели впечатление и на студента Осипа Мандельштама.

Мандельштам поступил на Романо-Германское Отделение Историко-Филологического факультета Петербургского университета в 1911 году. О том, что он слушал лекции Бодуэна де Куртенэ, говорят несколько документов, в частности, выпускное свидетельство, где в числе прочих прослушанных им курсов упоминается Введение в языковедение (см.: Сальман 2010: 463, 468). При подготовке к экзамену студент мог, помимо собственных конспектов, пользоваться литографированными лекциями Бодуэна. 10 сентября 1913 г. Мандельштам сдает экзамен по Введению в языковедение Бодуэну де Куртенэ и получает «весьма удовлетворительно» (см.: Сальман 2010: 463) – оценку, которая в то время в университете была максимально высокой. Существует много анекдотических воспоминаний, свидетельствующих о том, что поэт-чужак Мандельштам был совершенно не способен сдавать экзамены (см.: Лекманов 2004: 58–61). По-видимому, в них большая доля вымысла (см. список оценок Мандельштама, опубликованный в: Сальман 2010: 463, 467, 468). Но то, что поэт «превращал грамматику в поэзию», как писал Мочульский в связи с древнегреческими штудиями Мандельштама (см.: Мочульский: s. p.), можно отнести и к изучавшемуся им лингвистическому материалу. Лекции Бодуэна в сознании молодого поэта и не очень старательного студента (он так и не окончил полного курса университета), очевидно, тоже превращались в поэзию.

Точно воспроизвести лекции по языкознанию, которые слушали студенты поколения Мандельштама, сегодня невозможно, хотя сохранились и литографированные конспекты, и программы. Бодуэн импровизировал на лекциях, он развивал и видоизменял свои идеи. В. Н. Топоров писал в связи с этим: «<...> говорить о фонологической теории Бодуэна де Куртенэ не всегда легко и потому, что его ученики и последователи в Казани и в Петербурге широко использовали в своих работах мысли своего учителя, дополняя и развивая их <...>. Он был слишком богат мыслями и щедро оделял ими окружающих, не заботясь об авторских правах» (Топоров 1960: 30).

Традиция общения с учениками, когда даже самые значительные теоретические утверждения передавались устно, а не через какую-либо основополагающую работу, у лингвистов Петербургской фонологической школы, работавших на кафедре фонетики университета, сохранялась много лет. И Щерба, и его ученик Л. Р. Зиндер, несмотря на довольно обширное научное наследие, так и не обобщили в какой-либо публикации своей общелингвистической и фонологической теории.

Что касается понятия фонемы, то у Бодуэна мы находим несколько разных его определений. Сам ученый указывал в своем знаменитом «Опыте теории фонетических альтернатив» (1895 г.), что раньше он «понимал фонему как ту сумму фонетических свойств, которая представляет собой неделимое единство при сравнениях» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 270, сноска 2) одного и того же языка или родственных языков. Лишь впоследствии, отчасти под влиянием своего ученика Н. Вяч. Крушевского, он пришел к необходимости употреблять название «фонема» в отличие от «звука» (см.: Там же). К периоду преподавания в Петербурге – Петрограде у Бодуэна сформировалось понимание фонемы как «психического эквивалента звука». Так, в статье «Фонема», опубликованной в 1899 г. в Варшаве по-польски, он пишет: «<...> фонема – это единый, неделимый в языковом отношении антропофонический образ, возникший из целого ряда одинаковых и единых впечатлений, ассоциированных с акустическими и фонационными (произносительными) представлениями. Иначе говоря: фонема – это единое фонетическое представление, возникшее в душе путем слияния впечатлений, полученных от произнесения одного и того же звука <...>. Короче: фонемы – это единые, непреходящие представления звуков языка» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 351–352). Так же Бодуэн объясняет понятие «фонема» в курсе Введения в языковедение: «Это постоянное в нашей психике существующее представление “звука”, т. е. одновременно сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть фонемой» (Бодуэн де Куртенэ 2009: 13). Нужно отметить, что мысль о связи фонемы с морфологией, и, в конечном счете, со смыслом, впоследствии раз-

витая Щербой, была с самого начала близка Бодуэну. Он говорил о «мобилизуемых во время языкового общения» рядах произносительно-слуховых и ассоциируемых с ними семасиологических и морфологических представлений (см.: Бодуэн де Куртенэ 2009: 58–59)². Связь фонемы со значением слова прослеживается уже в ранних работах Бодуэна.

В свете сказанного о теории Бодуэна вернемся теперь к очерку Мандельштама. Утверждение: «Самое удобное и правильное – рассматривать слово как образ, то есть словесное представление» вполне соответствует психологизму Бодуэна. Образ понимается при этом как связь смысловой стороны слова и его звучания. Поэтому естественно дальнейшее утверждение: «Этим путем устраняется вопрос о форме и содержании, буде фонетика – форма, все остальное – содержание. Устраняется и вопрос о том, что первичнее – значимость слова или его звучащая природа?». Представления, сохраняющиеся «в душе», о которых говорил Бодуэн, объединяют фонетическую и смысловую сторону языка.

«Словесное представление – сложный комплекс явлений, связь, “система”» (Мандельштам 1990: 183), – пишет Мандельштам. Хотя слово «система» он использует в не совсем обычном значении, мысль понятна – в данном случае это комплекс взаимосвязанных явлений. Что касается самого термина, то он ему был знаком – слово «система» уже тогда широко использовалось в языкознании. Далее идет самый сложный для понимания пассаж. «Значимость слова можно рассматривать как свечу, горящую изнутри в бумажном фонаре, и обратно, звуковое представление, так называемая фонема, может быть помещена внутри значимости, как та же самая свеча в том же самом фонаре» (Мандельштам 1990: 183). Думаю, что понять эту метафору можно так. «Свеча, горящая внутри фонарика» – значение слова внутри его оболочки, формы, звуковой стороны. Но и фонема сама по себе является меткой, передающей значение. Без смысло-различения понятие фонемы не существует. Смысл и форма слова могут по своей значимости для поэзии как бы меняться местами,

² Также см.: Леонтьев 1960: 5–27, особенно с. 24.

так как иногда первичным для создания стиха, т. е. по сути дела для генерирования текста, может быть фонетика, музыка слова, его общий облик. Означаемое и означающее как бы меняются местами.

М. Ю. Лотман обратил внимание на сходство текста Мандельштама с идеями Ф. де Соссюра, которое, правда, ограничивается лишь некоторыми понятиями и терминами (см.: Лотман 2012: 149–174; особенно с. 159–160). Так, слово *значимость* – один из терминов в русском переводе Соссюра; он передает соссюрское *valeur*. Перевод *значимость*, очевидно, был избран именно потому, что этот термин уже имел хождение в практике преподавания лингвистических дисциплин³. Указанное сходство с Соссюром, как мне кажется, также легко объясняется влиянием на Мандельштама теории Бодуэна, во многом совпадающей с соссюрской. Щерба писал: «Когда в 1923 г. мы получили в Ленинграде “Cours de linguistique générale” de Saussure’a <...>, то были поражены многочисленными совпадениями учения Соссюра с привычными нам положениями» (Щерба 1957: 94)⁴. Щерба подчеркивает, в числе прочего, свойственное и Соссюру, и Бодуэну понимание знакового характера языка. При этом утверждается: лишь то, что «семасиологизовано или морфологизовано», является знаком.

Можно отметить близость к семиотике и структурной лингвистике и другой статьи Мандельштама – «Утро акмеизма»: «Глухонемые отлично понимают друг друга, и железнодорожные семафоры выполняют весьма сложное назначение, не прибегая к помощи слова» (Мандельштам 1990: 142). Здесь явная перекличка с учением о знаковом характере коммуникации; причем общение глухонемых было излюбленным примером лингвистов Петербургской школы (Бодуэна, Щербы, Зиндера). Мысль об относительности языкового знака была для них естественна. Подчеркивая необходимость

³ «Курс общей лингвистики» де Соссюра был впервые издан на русском языке в 1933 году в переводе А. М. Сухотина.

⁴ Также см.: Щерба 2002: 14, сноска 1. См. также: Stankiewicz 1972: 3–46, особенно 4–5. Учение де Соссюра и раньше было в той или иной степени известно русским языковедам, в том числе и Бодуэну. Тем не менее, эти совпадения вряд ли можно объяснить лишь внешним влиянием.

«филологического» знания родного языка и соответствующего обучения иностранному, Щерба писал: «Но филология имеет еще и специальное образовательное значение. В силу диалектического единства формы и содержания мысль наша находится в плену у форм языка, и освободить ее от этого плена можно только посредством сравнения с иными формами ее выражения в каком-нибудь другом языке» (Щерба 2002: 27).

Безусловно, эссеистику Мандельштама нельзя сводить к научным, лингвистическим сочинениям, а утверждаемое мною влияние Бодуэна было лишь толчком творческой мысли поэта, которая развивалась и вокруг религиозного понятия Божественного Логоса, и вокруг наблюдений над творческим процессом создания поэтического текста⁵. В эссе «Слово и культура» Мандельштам пишет: «Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта» (Мандельштам 1990: 171). Здесь поэт говорит не о лингвистических свойствах слова, а о процессе творческого поиска. Однако полностью отвергать лингвистические основы этих замечаний Мандельштама не следует. Не говоря о современных психолингвистических концепциях воплощения мысли в слова, можно указать на идеи ученика Бодуэна – С. И. Бернштейна. «Теория общего облика слова», по которой слово воспринимается как совокупность разных признаков, в том числе и фонематических (релевантных), и аллофонических, а возможно, и других, была популярна в Петербургской фонологической школе в устной передаче из поколения в поколение. (Бернштейн мало печатался, а его статья по фонологии была опубликована лишь в 60-е годы). Хотя о влиянии этой теории, как и некоторых щербовских идей, на Мандельштама говорить не приходится, общие истоки (Бодуэновская школа) могли задать сходное направление мысли.

⁵ См.: Лотман 2012: 149–174; там же дальнейшая литература. Также см.: Паперно 1991: 29–36.

Классик психологии и психолингвистики Л. С. Выготский взял эпиграфом к своей работе «Мысль и язык» вольно цитируемые им слова Мандельштама⁶

Я слово позабыл, что я хотел сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

Он с полным основанием видел в них поэтическое выражение близкой ему идеи о необходимости и пути словесного воплощения мысли.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бодуэн де Куртенэ И. А. 1963. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. 2009. Введение в языковедение: Изд. 7-е. М.: URSS.
- Выготский Л. С. 1996. Мышление и речь. М.: Лабиринт. 1996.
- Зинченко В. П. 1997. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. М.: Новая школа.
- Лекманов О. А. 2004. Мандельштам. М.: Молодая гвардия.
- Леонтьев А. А. 1960. Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ. – И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М.: Издательство Академии наук СССР. С. 5–27.
- Лотман М. [Ю.] 2012. Осип Мандельштам: Поэтика воплощенного слова. – Золян С., Лотман М. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн: Издательство Таллиннского университета. С. 149–174.
- Мандельштам О. Э. 1990. Соч.: В 2-х тт. / Сост. С. С. Аверинцева и П. М. Нерлера. Т. 2. М.: Художественная литература.
- Мочульский К. В. s. a. О. Э. Мандельштам. – [<http://silverage.ru/mochman/>].
- Паперно И. 1991. О природе поэтического слова: Богословские источники спора Мандельштама с символизмом. – Литературное обозрение. № 1. С. 29–36.

⁶ См.: Выготский 1996: 259, 361. См. также монографию, где рассматривается соотношение творчества Мандельштама с развитием психологической и философской мысли XX века: Зинченко 1997; см. особенно с. 243, где некоторые идеи эссеистики Мандельштама сравниваются с философией Г. Г. Шпета.

- Сальман М. Г. 2010. Осип Манделъштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга). – Russian Literature. Vol. LXVIII. Nos. III/IV. P. 447–499.
- Топоров В. Н. 1960. И. А. Бодуэн де Куртенэ и развитие фонологии. – И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М.: Издательство Академии наук СССР. С.28–36.
- Щерба Л. В. 1957. И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке. – Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз. С. 85–96.
- Щерба Л. В. 2002. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Stankiewicz, E. 1972. Baudouin de Courtenay: His Life and Work. – A Baudouin de Courtenay Anthology: The Beginnings of Structural Linguistics. By Jan Baudouin de Courtenay / Translated and ed. with introduction by Edward Stankiewicz. Bloomington; London: Indiana University Press. P. 3–46.